

2. Проблема Софии и ее религиозно-философское содержание	247
3. Структура женского образа в лирике Блока (1901—1904)	274
4. Смысл любви и мистического брака в художественном сознании Блока	306
 Глава пятая. Богородичный компонент женского образа	
в раннем творчестве А. Блока	333
1. Формирование интереса Блока к богородичной теме	333
2. «Она росла за дальними горами...»	348
3. Тема Благовещения в составе религиозных представлений Блока и в его лирике 1901—1904 гг.	364
Заключение	395
Список сокращений	398

ВВЕДЕНИЕ

Ранняя лирика Блока воплотила в себе многие идеи, что называется, «витающие в воздухе» начала XX в. Важнейшая среди них — религиозная идея преображения мира и человека. Именно она являлась тем центром, вокруг которого была сосредоточена жизнь ключевых понятий русского символизма: «жизнетворчество», «теургия», «мифотворчество» и др. Непредвзятый взгляд на творческое наследие Блока убеждает, что в его основе лежал религиозный опыт. По словам самого поэта, его «переживания “Прекр<асной> Д<амы>” были <...> несомненны»¹. Структура и средства лирического высказывания, темы и мотивы лирики периода «Стихов о Прекрасной Даме» были направлены на воплощение в поэтическом слове именно этой несомненности религиозного переживания. По существу, в своем раннем творчестве Блок ставил вопрос о творческом опыте как опыте религиозном.

По точному слову Г. Флоровского, религия в символизме «превращалась в искусство» «и в духовную реальность надеялись прорваться приступом эстетического вдохновения минуя молитвенный подвиг...»². Блок так и писал в 1916 г. Н. А. Нолле-Коган о своих стихах: они «писались отнюдь не во имя свое, а во Имя и перед Лицом Высшего (или того, что мне тогда казалось высшим, все равно, это покажет будущее, а я и до сей поры думаю так). В этом и есть для меня единственный смысл “Стихов о Прекрасной Даме”, которые, в противном случае, я бы считал “стишками”, т. е. делом, о котором лучше молчать» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 326).

Однако в этом «дерзновенном» требовании слияния религиозного самосознания с эстетикой таилась трагедия, о которой Б. Энгельгардт в 1921 г. точно заметил: «...в символизме нашла свое прямое выражение великая трагедия современного поэтического слова, которое, задыхаясь среди каменеющих громад понятийно-чувственных созерцаний нигилистического сознания, бунтует и бьется и истекает кровью, пытаясь во что бы то ни стало раздвинуть

¹ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919 / Публ., предисл. и комм. А.В. Лаврова. М., 2001. С. 193.

² *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 458.

тесные стены своей темницы и вырваться из душного подземелья на светлые просторы религиозного приятия жизни»³. «Религиозное приятие» жизни как русских символистов в целом, так и Блока в частности, не являлось чем-то абстрактным и неопределенным, Их религиозное чувство, стремившееся стать не только мироощущением, но и мировоззрением, проявляло себя в достаточно отчетливых и системных представлениях. Как показывают исследования последнего времени, формы религиозного сознания русских символистов, системность их религиозно-мистических воззрений поддаются исследованию и до определенной степени — реконструкции.

Анализ современного состояния научного освоения раннего творчества Блока приводит к выводу о недостаточной его изученности. Особенно это касается поэзии периода «*Ante lucem*» и «Стихов о Прекрасной Даме». И осмысление религиозно-мистических категорий, которыми оперировал в то время Блок, и анализы его конкретных поэтических произведений нуждаются в более кардинальной и детальной проработке. Складывающиеся в современной истории литературы представления по интересующей нас проблеме нуждаются в корректировке и существенных дополнениях.

В раннем творчестве Блока складывается и приобретает известную целостность особого рода картина, мистическая по содержанию и оформленная по законам лирики. Ее суть — в своеобразном универсализме мистической доминанты, охватывающей и героя («я»), и героиню («Ты») во всех ее модификациях, и мир природного бытия, выступающий в поэзии Блока и как среда, условно говоря, обитания лирических персонажей, и как область устремлений «я» и природы, возникновения, сущности героини. Мистическая направленность мироощущения молодого поэта обуславливает напряженность его переживаний и мотивирует цельность и разветвленность той картины мира, которая без учета индивидуальных особенностей мистицизма поэта оказалась бы фрагментарной и недопроявленной.

Еще до недавнего времени религиозное содержание блоковского творчества являлось дискуссионным. Тенденция отодвигать религиозно-мистические стороны блоковского творчества на задний план наметилась уже в 1920-е гг. Одним из первых литературоведов эту тенденцию наметил И. Машбиц-Веров. Во вступительной статье к тому избранному стихотворению Блока, вышедшему в 1927 г., Машбиц-Веров обозначил свои исследовательские позиции следующим образом: «Мы

³ *Энгельгардт Б. В пути погибший // Об Александре Блоке. Пб., 1921. С. 17.*

вовсе не собираемся отрицать, что Блок был мистиком и что огромная часть его поэзии вскормлена мистической музыкой. Мы только подчеркиваем, что в творчестве великого поэта была и другая струя земная и языческая»⁴; «Чтобы быть великим, поэту вовсе не нужно средневековое одеяние иноков, ризы и церковная святость. Наоборот, угар от восковых свечей мистических богослужений искажает образ великого поэта»⁵. И далее: «Развитие поэтики Блока, как и эволюция самого поэта, шла по линии освобождения от мистики и вместе с ней — от символически абстрактной поэзии, шла в направлении все большего овладения прекрасными конкретно-четкими формами русского классического реализма»⁶. В настоящее время статья Машбиц-Верова привлекла внимание Н. В. Котрелева, который подчеркивал: «Статья Машбиц-Верова заслуживает внимательной неблагодарной памяти — это одна из первых и удачных попыток сформулировать ту схему, в которую улеглось советское истолкование творчества Блока на три четверти века, с которой вынужденно должны были считаться, по сути дела, все, кто писал о поэте»⁷. Совершенно ясно, что на сегодняшний день схема, намеченная Машбиц-Веровым, не выдерживает критики.

Обращаясь к ранней лирике Блока, исследователи сталкивались с проблемой затрудненности ее толкования⁸. До сих пор мы очень немного знаем о собственном внутреннем смысловом наполнении его ранних стихотворений. Подчеркнем: не о биографическом материале, лежащем в ее основе, и преломленном в них, а об имманентном содержании, уходящем корнями в религиозно-мистические представления Блока. До наших дней они остаются на уровне самых общих представлений о Софии, Вечной Женственности, Душе Мира как мистическом источнике лирики раннего Блока. Только в последнее время начался процесс исследовательского углубления и конкретизации этих общих мистических представлений.

Уже в 1960-е гг. З. Г. Минц справедливо писала:

«Очень часто откровенную мистичность концепций “Стихов о Прекрасной Даме” путают с неясностью, нечеткостью. Это

⁴ *Машбиц-Веров И.* Блок и современность // Блок А. Избранные стихотворения / Ред. П. Медведева. М., 1927. С. XIV.

⁵ Там же. С. XIV.

⁶ Там же. С. XLIV.

⁷ *Белый А.* Конспект введения к лекции «Блок» (Тифлис <19>27 г.) / Вступит. ст. и публ. Н. В. Котрелева // Наше наследие. 2005. № 75—76. С. 104.

⁸ Так, например, В. Енишерлов писал о «сложнейших текстах первого тома лирики Блока» (*Енишерлов В.* У стен московского кремля (Московские встречи А. Блока) // С любовью и тревогой. Статьи. Очерки. Рассказы. М., 1990. С. 362).

вряд ли справедливо. Конечно, “эзотерический” (тайный) язык, которым Блок стремился выразить свои мистические настроения, мало понятен в ряде его оттенков современному читателю. Но это не значит, что слова подобного языка были лишены — для Блока и для людей, идейно и эстетически ему близких, — определенных значений, находящихся друг с другом в достаточно четких соответствиях»⁹.

Сложность религиозно-символического языка раннего Блока заключается не только в особом «архаизировании» внутреннего опыта молодого человека начала XX в. (хотя и в этом тоже). Более сложная, чем блоковская, художественная система Вяч. Иванова, в последнее время достаточно успешно подвергается историко-литературной реконструкции, поскольку проблема прочтения Вяч. Иванова упирается чаще всего в источники. Известны источники — понятна логика возникновения той или иной образной, мотивной, лейтмотивной системы того или иного произведения Вяч. Иванова. Случай с Блоком другой. Даже имея основательные представления о круге чтения Блока, зачастую невозможно ответить на «элементарный» вопрос: «О чем его данное стихотворение?»

З. Г. Минц была совершенно права: действительно, эзотерический по своему характеру поэтический язык Блока имел, тем не менее, свое конкретное смысловое наполнение. Так же была права и А. А. Кублицкая-Пиоттух, когда писала, что в случае с Блоком «о избытки и расплывчатости не могло быть и речи».

В настоящее время необходимо не только констатировать «конкретное смысловое наполнение» эзотерического языка поэта, но и исследовать его состав, границы, детали. С достаточной степенью убежденности и доказательности можно утверждать, что в основе раннего творчества Блока лежала религиозно-мистическая идея, в полной мере не укладывающаяся в рамки ни православной, ни католической догматики, но имеющая и с той и с другой серьезные переклички. Эта идея не исходила в полной мере ни из одной архаической религиозно-философской или мифологической системы (будь то платонизм или гностицизм), и не совпадала полностью ни с одной из новейших «религиозных систем»: ни с Вл. Соловьевым, ни с Мережковским, ни с Андреем Белым или Вяч. Ивановым, ни с кем бы то ни было другим. Однако при этом у нее были с каждой из них определенные точки соприкосновения, моменты сближения и расхождения,

⁹ Минц З. Г. Лирика «первого тома» // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 17.

переключки и аналогии. Блоковская религиозно-мистическая идея, лежащая в основании его творческого пути, не будучи ни у кого заимствованной в полном объеме, была вполне «самодеятельной», если так можно выразиться, и полигенетической по своему характеру, что вовсе не уменьшает эстетические достоинства творчества поэта. Отсюда вытекает другая сторона эзотерической природы поэтического языка раннего Блока: его невозможно перевести *только* на язык религиозно-церковной образности (также символической по своей природе) без потерь как для эстетической, так и смысловой стороны дела.

Нужно сразу отметить: религиозность присутствует в блоковском творчестве в пластах несравненно более глубоких, чем самоочевидные лексический или образно-тематический. Она не только пронизывает весь его состав — от раннего к позднему периодам творчества, но и генерирует, и оформляет, и диктует собственно художественные смыслы его поэзии. Поэтому задача данной книги не столько — вычленение образов и мотивов религиозно-мистического характера, сколько — выявление той генеральной религиозно-мистической идеи, которая порождает эти конкретные образы и мотивы.

В целом же необходимо согласиться с мнением В. А. Сапогова, глубоко понимавшем раннюю лирику Блока: «...Произведение, названное случайно и неточно — “Стихи о Прекрасной Даме”, — становится одним из самых непонятных и в то же время бесконечно притягательных текстов русской поэзии»¹⁰.

Увлечение софиологией — значительный период русской религиозной мысли, получившей свое формирование в рамках философии Вл. Соловьева. Целое поколение не только религиозных мыслителей, но и поэтов и писателей отдали ей дань. По позднейшим оценкам все течение софиологии оказалось неким отклонением от центральной христианской богословской традиции. Постсимволистскому поколению поэтов пришлось возвращаться с позиций собственно софиологических, утверждавшихся русским символизмом, на традиционно христологические и даже христоцентрические позиции (О. Мандельштам «Скрябин и христианство» (1917), поэтическое творчество А. Ахматовой, роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и др.).

Изучение в последние годы символистского и околосимволистского наследия позволяет прийти к заключению, что «русский символизм за время своего недолгого существования окружил себя

¹⁰ Сапогов В. А. Первая книга А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» // Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1904). Стихотворения. Книга первая (1898—1904). М., 1995. С. 435.

совершенно особой духовной атмосферой, пронизанной мистическим восприятием жизни»¹¹.

Наряду с элементами лирического сюжета как начала динамического, в формировании поэтики «Стихов о Прекрасной Даме» большую роль играет и символика в качестве начала статического (по отношению к лирическому сюжету). Именно символика в конечном счете задает определенную парадигму, в рамках которой мы способны в той или иной мере адекватно авторскому замыслу прочесть религиозно-мистическое содержание «Стихов о Прекрасной Даме».

До сих пор остается без ответа целый ряд вопросов, среди которых здесь назовем лишь некоторые: что именно, в понимании Блока, скрывается за соловьевским именованием Софии? Почему блоковская софиология противопоставлена Христу («Никогда не приму Христа»), в то время, как и у Вл. Соловьева, и у многих блоковских современников вопросы софиологии и христологии понимались как тесно смыкающиеся и вытекающие друг из друга? Каково отношение Блока к христианской догматике (православной и католической), что из нее входило в состав его мировоззрения, а что — нет? Каковы истоки и источники уточнения и определения метафизических и мистических представлений раннего Блока? и т. д.

В 1917 г. Блок записал в дневнике: «Всякая мысль прочна и завоевательна только тогда, когда верна основная схема ее, когда в ее основании разумеется чертеж сухой и единственно возможный. При нахождении чертежа нельзя не руководствоваться вековой академической традицией, здравым и, так сказать, естественным разумом» (Блок — 8: 7, 276). Поскольку нас интересовала именно блоковская *идея*, «ее основная схема», «сухой чертеж», по слову самого Блока, генерировавшая создание конкретных лирических произведений, мы не ставили перед собой задачу исследования «Стихов о Прекрасной Даме» (1904) как неповторимой художественной структуры в ее целостном жанровом и художественном составе «книги стихов». В качестве материала исследования мы имеем в виду не только состав первой поэтической книги («Стихи о Прекрасной Даме») Блока 1904 г., но и весь корпус стихов, написанных им в период 1898—1902, отчасти 1903—1904 гг. Мы сознательно отказались от анализа ранней лирики Блока в составе того или иного издания поэтической книги «Стихи о Прекрасной Даме». История публикации «Стихов о Прекрасной Даме» уже неоднократно привлекала внимание

¹¹ Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004. С. 442.

исследователей¹², поэтому здесь мы не будем останавливаться на ней¹³. Поскольку преимущественно нас интересовала проблема состава комплекса религиозных идей, воплощенных в поэтическом слове раннего Блока, а не структура и внутренняя логика большой формы поэтической книги сама по себе, наши характеристики и описания обращены к этой системе в основном вне ее исторического становления, система предстает в этом случае как готовый и непротиворечивый результат.

Конечно, блоковская поэтическая система даже за столь непродолжительное развитие (с 1898 по 1904 гг.) вобрала в себя различные тенденции и направления. Но при взгляде на раннее творчество Блока для нас был важен прежде всего тот готовый итог, который вошел в историю русской поэзии под именем «поэтический мир Блока». Однако, руководствуясь этой генеральной установкой, мы не отказались вовсе от эпизодических наблюдений за динамикой тех или иных мотивов, образов, идей в срезе не только условно статическом (результатирующем), но и динамически-хронологическом. Такой подход обусловил наше обращение не только к поэтическому наследию Блока, публиковавшемуся при его жизни в составе какого-либо из изданий, но и к той его части, которая была издана посмертно.

Хорошо известны тенденция и динамика расширения состава неопубликованных ранее (хотя и написанных уже в период «*Ante lucem*» и «Стихов о Прекрасной Даме») текстов. Она прослеживается от издания 1904 г. к последующим изданиям 1911, 1916, 1918 и 1922 гг. Исходя из тенденции к расширению состава поэтической книги «Стихи о Прекрасной Даме», возможно сделать предположение, что корпус неопубликованных поэтических текстов является своеобразным резервуаром, из которого для каждого последующего издания Блок черпал «недостающие» для восстановления логики его «пути» тексты. В своей книге мы обращаемся к этому «резервуару»

¹² См.: Сапогов В. А. Первая книга А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» // Блок. А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1904). Стихотворения. Книга первая (1898—1904) / Сост., общ. ред., предисл., коммент. С. С. Лесневский. М., 1995; Минц З. Г. О первом томе лирики Блока // Блок А. А. Полное собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. Стихотворения. Книга первая (1898—1904). М., 1997; Кузнецова О. А. Первый лирический сборник Александра Блока (1904). К истории создания. М., 1999.

¹³ Напомним лишь, что первое издание «Стихов о Прекрасной Даме» состоялось осенью 1904 г., затем последовательно в 1911, 1916, 1918 гг. Работу над последней редакцией «Стихов о прекрасной Даме» Блок закончил в 1920 г. Издание вышло посмертно — в 1922 г.

прижизненно неопубликованных текстов или к текстам, опубликованным гораздо позже первого периода творчества («За гранью прошлых лет») наравне с теми текстами, которые входили в состав пяти подготовленных самим Блоком изданий «Стихов о Прекрасной Даме».

До сих пор широко распространено мнение, что «Ante lucem» и «Стихи о Прекрасной Даме» — наиболее «темный» период в поэтическом наследии Блока. В. Н. Быстров, совместно с В. А. Сапоговым комментировавший раздел «Ante lucem» для полного собрания сочинений и писем в двадцати томах, справедливо отмечал:

«Источников для комментирования стихов данного раздела сравнительно немного: художником уничтожены записные книжки и дневники того времени, довольно мало эпистолярных и мемуарных свидетельств, а также отзывов современной Блоку критики. Поэтому существенное значение приобретают автокомментарии поэта, сделанные им в дневнике 1918 года, когда он задумал снабдить книгу “Стихи о Прекрасной Даме” необходимыми пояснениями, “которые помогли бы понять ее единственно нужное содержание другим” (замысел был реализован лишь частично). Кроме того, достоверные сведения о жизни Блока в те годы имеются в обстоятельных мемуарах его первого биографа — М. А. Бекетовой»¹⁴.

В процессе проникновения в содержание и состав идеи «Стихов о Прекрасной Даме», отмеченной отчетливыми религиозно-мистическими чертами, нам потребовалось обращение к источникам, в которых типологически близкий блоковскому религиозно-мистический опыт, был запечатлен более развернуто. Это касается как предшественников Блока (Я. Бёме, Вл. Соловьев), так и его современников, независимо от него приходивших к более или менее сходным мистическим представлениям (Андрей Белый, А. Н. Шмидт). Кроме того, мы активно опирались на воззрения таких русских философов-софиологов, как Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, работы которых по интересующей нас теме были, как известно, написаны позже выхода в свет первой книги Блока. Хроникальное расхождение нами учитывалось, но привлечение этих источников в работе оказалось, на наш взгляд, возможным, поскольку формирование софиологии у названных лиц не только

¹⁴ Быстров В. Н. Александр Блок. Стихотворения. Книга первая (1898—1904) // Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1904). Стихотворения. Книга первая (1898—1904) / Сост., общ. ред., предисл. С. С. Лесневского. М., 1995. С. 439—440.

проистекало из одного, важнейшего и для автора «Стихов о Прекрасной Даме», источника — поэзии и философии Вл. Соловьева, но и развивалось в контексте и контакте с религиозно-мистическими переживаниями самих поэтов-«соловьевцев», — Андрея Белого, Вяч. Иванова и Александра Блока.

Исследование религиозно-софиологических вопросов, которые в начале XX в. волновали далеко не одного Блока, выявляло несводимость к единству взглядов разных философов, мистиков и художников. Их разноречивые мнения определяют поле и границы религиозно-мистических проблем и намечают пути их решения, предлагавшиеся в начале XX века всеми «Взыскующими Града». Пересечение различных мнений по религиозно-мистическим вопросам в самом начале XX в. формирует и тот совершенно необходимый для воссоздания полноты картины контекст умозрений, концепций и идей, на фоне которого более рельефно и четко вырисовываются грани индивидуальной, личностно отмеченной блоковской идеи.

Исследование поэтической идеи Блока не мыслится в отрыве от литературно-культурного контекста эпохи начала XX века. Рассуждая о специфике гуманитарной мысли, М. М. Бахтин писал:

«В какой мере можно раскрыть и прокомментировать *смысл* (образа или символа)? Только с помощью другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно. <...> Может быть либо *относительная* рационализация смысла (обычный научный анализ), либо углубление его с помощью других смыслов (философско-художественная интерпретация). Углубление путем расширения далекого контекста»¹⁵.

В книге используются те пути раскрытия смысла, которые обозначил и наметил в качестве перспективы Бахтин, однако, особое внимание уделяется углублению смыслов путем расширения контекста. Искания философского, религиозного, эстетического характера — многообразный и сложный по своему составу контекст, внутри которого формировалась и развивалась поэтическая концепция Блока и лежащая в ее основе религиозно-мистическая составляющая.

В данной книге речь пойдет прежде всего о том контексте, из которого творчество Блока было на долгие годы искусственно изъято в отечественном литературоведении советского периода, в результате чего длительное время мы имели искаженное (и научное,

¹⁵ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 362.

и, следовательно, популярное) представление об авторе «Стихов о Прекрасной Даме». Мы имеем в виду как контекст религиозных исканий, столь свойственных многочисленным представителям эпохи начала XX века, так и контекст религиозно-мистических представлений самого Блока, которые зачастую практически никак не учитывались при анализе творчества Блока. На сегодняшний день дело фактически обстоит следующим образом: большая часть блоковских текстов — опубликована, однако лишь в очень малой степени эти тексты изучались с точки зрения религиозных исканий поэта.

Мы не стремимся выявить все многообразные корни полигенетической религиозной составляющей творчества Блока. По этому поводу можно согласиться с мнением одного из современных исследователей: «Меньше всего поэт хотел генетической определенности своих стихов, скорее, напротив, он стремился очистить поэтический текст от реалий бытовых, исторических и религиозных»¹⁶. Но очертить контуры религиозной идеи, являвшейся источником для создания конкретных поэтических произведений Блока и обрисовать не-который типологический контекст для нее — задача, на наш взгляд, вполне реальная и результативная.

Задача нашей книги заключается не столько в том, чтобы ликвидировать данное «белое пятно» и в биографии и в творчестве Блока, сколько в том, чтобы привлечь исследовательское внимание к этой чрезвычайно важной и столь мало изученной теме.

¹⁶ Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998. С. 334.